

Так называемая смена комнаты оказалась лишь переездом в покои самого Куан Шэна. Они, конечно, были просторнее, но назвать их какими-то особенными было нельзя.

Куан Шэн вознамерился вздремнуть вместе с ним. Юй Чэньинь не стал тратить силы на пустые споры — всё равно не одолеть, так к чему копы ломать? Пришлось уступить.

Вода для купания ещё грелась, не достигнув нужной температуры. Куан Шэн повернулся на бок и потянул Юй Чэньиня на себя, заставляя встретиться с ним взглядом. Юй Чэньинь равнодушно скользнул по нему глазами, словно от скуки или усталости, и медленно прикрыл веки. Куан Шэн толкнул его, снова разбудив.

— Что тебе нужно? Я устал, — пробормотал Юй Чэньинь, едва ворочая языком.

На лице Куан Шэна не было той раздражающей улыбки, напротив, он выглядел на удивление спокойным и тихим:

— Ничего особенного. Просто хочу, чтобы ты подольше на меня смотрел, а то вдруг опять забудешь.

Юй Чэньинь протёр глаза, пребывая в полудрёме:

— У меня всегда была плохая память. Даже если ты умрёшь прямо у меня на глазах, завтра я уже забуду о тебе. Прости, это врождённое, ничего не попишешь.

Куан Шэн не разозлился, а лишь мягко улыбнулся — в этой лёгкой, едва заметной улыбке промелькнуло что-то из их общего прошлого. Юй Чэньинь вспомнил те времена и спросил:

— Ты отрастил такую бороду, чтобы тебя не узнали?

Куан Шэн удивился:

— Ты всё ещё способен обо мне беспокоиться?

Юй Чэньинь задумался и произнёс:

— На самом деле, раньше ты был добр ко мне. Бывало, водил в горы собирать шелковицу. Сам ты её не ел, а всё, что удавалось собрать, мыл в ручье и отдавал мне. Было очень вкусно, кисло-сладко. Тогда как раз наступала весна, солнце пригревало в самый раз. Мы лежали на склоне, а облака проплывали мимо. Подует ветер — прохладно, выйдет солнце — тепло. Весь склон зелёный, небо синее, облака белые, ветер прозрачный, а закат отливает алым. Мы были ещё детьми и не знали взрослых забот. Казалось, этот крошечный мирок и есть вся наша жизнь: безмятежная, ленивая, без бед и тревог.

Взгляд Куан Шэна смягчился, словно в нём растворился мёд, глаза заблестели.

— Здесь есть такие склоны? Давай сходим туда ещё раз.

Медовый блеск в глазах Куан Шэна мгновенно застыл:

— Сказки о прошлом — лишь предлог, чтобы выведать местность? Хочешь сбежать? Не выйдет, бедный А-Инь. Вокруг горы, повсюду стража, а единственное место без людей — это обрыв. Прыгнешь — и прямиком в преисподнюю.

Юй Чэньинь перевернулся на другой бок, спиной к Куан Шэну.

— Что, попался, и теперь злишься?

— Не хочу с тобой разговаривать. Будь тише.

Куан Шэн перебрался на внутреннюю сторону кровати и лёг рядом. Расстояние между ними сократилось до предела, носы почти соприкасались. Юй Чэньинь отстранился, откатившись к краю, и сердито бросил:

— Ты что делаешь?

— Чэньинь, в кого ты такой уродился? Ни на мать не похож, ни на кого другого, — Куан Шэн вздохнул с долей досады, но в его голосе сквозила такая нежность, что это уже не было похоже на упрёк — скорее на наслаждение моментом.

— На мать? — Юй Чэньинь почувствовал щемящую тоску. В первой жизни его мать умерла рано, во второй её не было вовсе. В этом мире он наконец обрёл её, но ей не было до него дела. Он убеждал себя, что так даже лучше — в смутные времена только равнодушным и удаётся выжить. Но как бы он ни уговаривал себя, невозможно было не чувствовать хотя бы капли боли. — Куан Шэн, как думаешь, если я исчезну навсегда и больше не увижусь с матерью, прольёт ли она хоть слезинку? Я никогда не видел, чтобы она плакала. Когда умер князь, она осталась безучастна, когда погиб генерал — то же самое. Она последовала за Вэй-хоу, но я не заметил, чтобы она была к нему привязана. Я рад, что ей нет дела до этих людей, но когда я сам стал одним из тех, кто ей безразличен, на душе стало так тошно и горько, — Юй Чэньинь подвёл итог: — Люди всё-таки низкие существа. И я такой же. Вечно гонимся за тем, чем не можем обладать.

Куан Шэн рассмеялся:

— Не верю ни единому твоему слову. Не вышло выведать дорогу, так решил пустить в ход чувства? Чэньинь, я не настолько глуп. Может, ты и дорожишь своей матерью, но до такой степени, чтобы страдать от безответности — никогда. Скорее, это ты сам внушаешь себе, что

она тебе нужна. Если бы твоя мать действительно умерла, ты бы проронил пару слезинок, надел траур, побледнел, но остался бы таким же прекрасным и притворным. А-Инь, если бы она не была твоей матерью, вы бы с ней отлично смотрелись. Оба бездушные, оба притворяются чувственными, прожили бы так всю жизнь, а со стороны казалось бы, что между вами великая любовь!

Юй Чэньинь не согласился с такими обвинениями:

— Ревновать даже к моей матери... Ты с годами становишься всё невыносимее.

— Значит, ты всё-таки знал, что я люблю тебя, Чэньинь? А я думал, ты так и будешь прикидываться дурачком.

Юй Чэньинь уставился на потолочную балку, где виднелась паутина, но не было паука:

— На самом деле, я всё понимаю. Просто не хочу об этом думать. Когда человек слишком много размышляет, его душа становится всё тяжелее, пока в конце концов не рухнет на землю — бац, и нет её.

Куан Шэн внезапно обнял Юй Чэньиня:

— Не двигайся, спи. Вода согреется — я тебя позову.

Куан Шэну казалось, что сейчас Юй Чэньинь необычайно мягок, словно пух или облако, словно нежная плоть, открывшаяся после того, как створки раковины были взломаны. Он явил свою жемчужину, приоткрыл истинные мысли, и это принесло Куан Шэну удовлетворение. Ему было так уютно, будто он был окутан ароматом сосновой смолы; даже если бы она поглотила его целиком, даже если бы он превратился в янтарь — это было бы неважно. Он, маленький бездомный шмель, был готов утонуть в этой смоле, в которую превратился Юй Чэньинь. Окутанный смертью, окутанный призрачной любовью. Нет, он даже не сказал, что любит, он просто слегка приоткрылся, а шмель уже спешил раствориться в нём, отдать всё, вместе с крыльями и медовым зобом, растаять, исчезнуть, достичь экстаза в отголосках смерти.

Юй Чэньинь дважды моргнул длинными ресницами, словно взмахнули крылья бабочки. Чжуан-цзы снилась бабочка, или бабочке снился Чжуан-цзы? Куан Шэн услышал его голос:

— Но когда ты меня обнимаешь, я не могу уснуть.

Как он может быть таким хрупким? Не может спать в чужих объятиях, насмехается, когда слышит то, что ему не по душе. Человек, лишённый сердца, вынужден притворяться таким живым и ярким. Даже если он убьёт его — что с того? Можно ли считать добровольное жертвоприношение убийством?

Он был таким слабым. Достаточно острого ножа, чтобы он исчез из этого мира. Даже нож не нужен — достаточно рук, чтобы сомкнуть на его горле, и у него не хватит сил сопротивляться, не хватит сил бороться, он просто угаснет.

Юй Чэньинь не нуждался в жалости Куан Шэна, но тот чувствовал подлинный ужас, страх, что стоит лишь на миг отвернуться, как Юй Чэньинь осыплется прахом, и его уже никогда не найти.

<http://bllate.org/book/18606/1791635>